

Осознавать, что твоя мама, твой единственный в этой жизни родной человек — извращенка — очень трудно эмоционально.

Первое желание — это сказать или как-то показать маме, что ты знаешь о ней все и запрещаешь ей этим заниматься. Эта эмоция самой первой, вместе с комом, блокирующим горло, посетила меня. И гнев, по поводу того, как она могла именно так позволять унижать себя. Да, именно сказать, что ты все знаешь и запрещаешь.

Но по мере того, как гнев проходил, я начала думать о том, что моя мама взрослый человек и что она сама вправе решать, как ей жить и чем заниматься.

Потом появились вопросы, заданные мной самой себе, а нравится ли мне все, что происходит с мамой и что с ней делают? И самый главный и сложный для меня вопрос, на который мне было очень сложно дать ответ, а почему я стояла у двери и молчала, старалась не дышать и не вмешалась, когда та дама унижала маму и била ее по лицу? Да потому что я сама была возбуждена от того, что увидела, и мне хотелось смотреть на все. Мне это нравилось. Было очень трудно поверить в то, что это, правда, но это было правдой!

Я приняла решение понять, насколько это нравится маме, поискать доказательства и все ответы на свои вопросы. Буквально следующим утром, когда за мамой, уходящей на работу, закрылась дверь, я обыскала ее комнату. В разных ящиках мебели я обнаружила моток веревки, два фаллоимитатора, один из которых был простым пластиковым самотыком, а второй — латексный электронный, да еще фотографии маминой гостьи.

Вот тогда я решила начать следить за нашим двором, и как только в нем появится эта дама, пробраться в квартиру и посмотреть, что и как будет происходить между ней и мамой. Это было самым простым, что можно было придумать, так как следить за мамой на работе, было бы для меня сложностью из-за надвигающейся сессии.

Но как я не хотела, чтобы что-нибудь между мамой и ее гостьей происходило бы у нас дома, моя мысль не становилась материальной. Они будто затаились. И мне оставалось только ждать, сдавать зачеты и экзамены, а еще постоянно думать, как же организовать слежку за мамой.

И я придумала! Я всегда была смелой и решительной. До самой смерти отца я была папиной дочкой. Отец не потакал всем моим капризам и желаниям, он просто много занимался со мной и воспитывал меня по-мужски: научил водить машину и мотоцикл, стрелять. Я даже согласно желаниям папы и вопреки желанию мамы занималась четыре года боями без правил. Если я что-то решала, то это было навсегда. В воскресенье я взяла у соседа мопед скутер, и в понедельник утром, сидя на нем, я ждала появления мамы из арки нашего двора. Следить было не очень сложно, потому что мама не думала, что за ней будут следить, и поэтому не создавала мне проблем. Самым сложным было находиться в шлеме и долго ждать, когда начнет что-то происходить. В первый день, я проводила маму до дверей офиса фирмы, в которой она работала, и, спрятавшись в сквере напротив входа в офис, каталась ждать.

Ждать мне пришлось часа два. Я увидела мамину знакомую, выходящую из дверей ее офиса. В женщине, идущей за ней, я с трудом узнала маму.

Одежда была не ее. По крайней мере, она была не похожа на ту, в которой мама была одета утром. Она была одета в одежду на пару размеров меньше, чем нужно. Скорее всего, это была

одежда для девочки подростка. Хотя даже девочке так ходить не рекомендуется. Это смотрелось со стороны просто ужасно...

Я была относительно далеко от них. Но даже со своего места мне было видно, что сквозь одетую на маму кружевную блузку, просвечивали голые тяжелые груди с явственно торчащими сосками. Блузка обтянула мамины груди так, что та могла в любой момент вывалиться наружу, а пуговки грозили вот-вот оторваться. Что же касается юбочки, в которую была одета мама, то можно просто сказать, если бы она была одета на мне, молодой и современной девушке, то я бы задохнулась от стыда и ужаса. В этой юбке можно было бы только стоять прямо, держа руки по швам. Мамина гостья обернулась, что-то сказала маме, после чего мама остановилась, как вкопанная, а та с деловым видом направилась к стоянке. Шлюха... Потаскуха... Такой вид был у мамы, пока она стояла и ждала. Через несколько минут к ней подъехал маленький женский автомобиль, когда мама садилась в него, я полностью рассмотрела всю позорность юбки, в которой она была. Юбочка была совершенно мала, она обтянула бедра, и при малейшем наклоне или даже просто неловком движении, наружу вылезало все — голая попа, ляжки, а уж если сесть, то и лобок мамы становились предметом всеобщего обозрения. Ведь, кроме малого размера, она была надета на голое тело.

Мама села на заднее сиденье. Как только за мамой захлопнулась дверь, машина резко сорвалась с места. Нагнала я их только на третьем светофоре. И, спрятавшись за две машины, стала внимательно наблюдать. Я не имела представления, куда они могли ехать, поэтому мне надо было держаться за ними.

Машина остановилась минут через двадцать, перед домом, где на первом этаже был магазин, в котором проходил ремонт. Мамина знакомая вышла с места водителя и наблюдала, как мама пыталась вылезти с заднего сиденья. Сделать это, не привлекая к себе внимания в ее одежде было довольно проблематично, поскольку ее подруга видимо специально откинула назад кресло водителя, и маме пришлось перелезать через него. Люди смотрели на них во все глаза.

Внутри меня все клокотало от того, как унижительно выглядела моя мать. Зрелице было жалкое. Я ненавидела эту мамины знакомую за то, что она так издевалась над мамой. Когда мама, наконец, вылезла из машины, они направились магазину, около которого остановились.

У крыльца здания Маргарита Николаевна повернулась и что — то сказала маме, указывая на место слева от ступенек. До меня донеслось только: «Жди меня здесь!»

Сама она поднялась по ступенькам вверх и скрылась за стеклянной дверью, испачканной краской. На оставшуюся маму было очень жалко смотреть. Проходили люди, смотрели на нее. Я услышала, как проходящая мимо мамы старушка прошипела, глядя на нее: «Шлюха... Потаскуха... ты бы ещё короче юбку одела. Блядь... Выставила всю пизду наружу». Старушка плонула в сторону мамы и пошла дальше.

Я смотрела на маму. Она стояла, как послушная собачка, смотря в землю, вся красная от позора. Минуты через три на крыльце появилась ее знакомая в сопровождении рабочего. Мужчина остался наверху, а мамина спутница спустилась вниз и, проходя мимо мамы, бросила ей не глядя: «Пошли».

Пока они шли к машине, на крыльце вышли еще рабочие, которые начали скалится, глядя на то, как мама залезает в машину на то самое заднее сиденье.

В этот раз ехали очень долго, по объездной дороге вокруг города, а затем еще минут

пятнадцать от города. Я, чтобы не поняли, что я за ними слежу, то вырывалась вперёд, то сбрасывала скорость, давая себя обогнать. Машина съехала с асфальтового покрытия и направилась по грунтовой дороге в поселок. Пропетляв немного по улочкам поселка, машина остановилась у большого двухэтажного дома, в котором когда то был поселковый универмаг. Перед ним сутились люди, шла выездная торговля.

Опять произошла сцена маминого выхода из машины, во время которой мне хотелось просто сорваться с места и набить морду этой белокурой стерве, издавающейся над мамой. Но я сжала кулаки, опустилась локтями на бак скутера и просто старалась смотреть в землю.

Маргарита Николаевна поговорила с продавщицами, и, указав матери на прилавок ушла с ними в помещение магазина. Это был просто ужас! Маме с красным от стыда лицом пришлось разбирать коробки, стоящие на земле. Постоянно подходили покупатели, и она обслуживала их, постоянно нагибаясь и поворачиваясь... Все ее прелести поминутно вылезали наружу. Она ловила на себе недоуменные, а порою и презрительные взгляды. Особенным презрением и осуждением отличались женщины и старушки. До меня доносились оскорблении в адрес мамы. Мне было обидно за неё и хотелось соскочить со скутера, подбежать к ней закрыть ее собой. Или сделать еще проще — взять за руку и увести ее.

Но я не делала этого, потому что не знала, что происходит в голове мамы и как она к этому всему относится. Почему она все это терпит и не уходит.

На площади были и зеваки мужчины. Некоторые из них подходили к маме, заводили разговоры с улыбками на лице. Говорили они не громко и мне было не слышно о чем, но могу предположить, что ей предлагали встретиться или пойти трахнуться прям сейчас.

Один из таких мужчин, подъехавший на машине, долго наблюдал за тем, как мама вертит голым задом, а потом подошел и, не говоря ни слова, протянул руку и схватил ее за ягодицы. При этом рядом с прилавком стояло несколько человек, которые оказались свидетелями того, как он щупал ее. Его рука была большой и подвижной. Мама не успела вырваться, рука заползла прямо к ней в промежность. Она только дернулась, а он и захочтал громко, на всю улицу, обзываая ее шлюхой. Наконец-то маме удалось вырваться из его рук. Она стояла вся красная от стыда и не знала, куда девать глаза.

Все эти унижения моей мамы продолжались довольно долго, я видела, как Маргарита Николаевна несколько раз подходила к дверям магазина, и подолгу смотрела в сторону мамы. Приблизительно часа через три из дверей вышла продавщица, позвала маму зайти во внутрь, а сама встала на ее место.

Я попыталась выяснить, что происходит с мамой в магазине, не снимая шлема, подошла к витрине, и даже вошла в магазин, но еевели в подсобные помещения, куда я не рискнула пробраться.

Через некоторое время мама и ее знакомая вышли из магазина, опять сели в машину и поехали. Они доехали до офиса, где пробыли еще часа три, после чего вышли вместе. Мама была все в той же одежде, сели в автомобиль все в том же порядке — мама назад, а ее подруга на место водителя.

Машина подъехала к многоэтажке в спальном районе города, пассажиры покинули ее и исчезли в одном из подъездов дома. Я осталась ждать внизу, реагируя на каждого выходящего из этого подъезда. Пока ждала, я отметила на карте все места, куда сегодня завозили мою маму, анализируя все увиденное за день.

Я поняла, что следить за мамой больше не имеет смысла, так как увидеть больше, чем я увидела сегодня не получится. порно рассказы Следовательно, оставалось следить за Маргаритой Николаевной. Хотелось узнать про нее что-то такое, что есть у нее вне общения с мамой и вне работы. Выяснить такое, узнав, про что мама прекратит всякое общение с этой своей знакомой.

То, что я сейчас нахожусь у дома, где живёт эта белая стерва, я не сомневалась, так как по времени это был конец рабочего дня, а куда в это время может поехать человека уставший за целый день.

Самое сложное для меня было разобраться в себе. Потому что за время сегодняшней слежки я поняла, что во мне идет борьба между чувством жалости к маме, мне хочется спасти ее, взять за руку увести от всего этого и чувством возбуждения, я возбуждалась, наблюдая за униженной мамой.

Мама вышла из подъезда через четыре часа и была одета так же, как и днем. В руках у неё была женская сумка и пакет. Я сидела достаточно далеко, однако мне было все хорошо видно. На улице было темно, но в свете фонарей все равно всем прохожим было хорошо видно в чем мама одета. Она брела устало, проходя мимо остановок. Я решила, что уже нечего интересного для меня происходить с мамой не будет, и, я, прибавив скорость, поехала домой. Там я оказалась раньше, чем мама на полчаса, и видела, как она пришла, уже одетая в брючный костюм, в котором уходила утром из дома, уставшая и опустошенная.

Следить за Маргаритой Николаевной было не очень сложно, но интересно. Правда в будние дни не чего особенного с ней не происходило, кроме поездок с мамой, о которых я уже рассказывала. Я еще несколько раз попыталась пробраться в офис или в те торговые точки, которые они посещали, но мне это так и не удалось.

Но по пятницам размеренная жизнь Маргариты Николаевны резко менялась. Отпустив как обычно маму от себя, она вызывала такси и ехала в клуб.

В первую пятницу, я поняла, что допустила оплошность, так как я совершенно была не готова к слежке за ней в клубе. И поэтому я проводила ее до клуба, подождала некоторое время у клуба и, поняв, что быстро Маргарита Николаевна не появится, отправилась домой.

В следующую пятницу я была готова более детально, в сумке лежали джинсовая юбка и пиджак с топом. Все это я собиралась одеть, если мамина знакомая опять поедет в клуб.

— Только бы она собралась туда, — как сумасшедшая повторяла я весь день, пока следила за ней.

Вы не можете представить себе, как я обрадовалась, когда за ушедшой мамой минут через пять к подъезду подъехала машина такси и вышла Маргарита Николаевна. Моё сердце радостно забилось, я весь день как будто предчувствовала, что именно сегодня я прикоснусь к чему-то такому, что эта стерва держит в тайне. Отпустив машину такси на расстояние трёх домов от себя, я поехала следом.

Убедившись, что мамина знакомая направляется все-таки в клуб, я быстро отправилась облюбованный двор рядом, где очень быстро, боясь пропустить что-то важное, переоделась и тоже отправилась в клуб.

Я долго искала ее в зале, так как в помещении был полумрак и лица людей, сидевших в специальных нишах, было сложно рассмотреть. Я успела расстроиться, подумав, что упустила Маргариту, когда не нашла ее в зале на первом этаже.

Однако, поднявшись на второй этаж, я увидела мамину знакомую, сидящую в компании трех

девушек возрастом семнадцати-восемнадцати лет. Она о чем-то беседовала с ними, постоянно улыбаясь.

Я поискала глазами место не далеко от них, чтобы слышать то, о чем говорят у них за столиком. Но свободных мест в непосредственной близости не было и мне пришлось сесть за два стола перед ними, за которым сидел нетрезвый мужчина среднего возраста и отбиваясь от его приставаний, смотреть, что происходит за интересующим меня столиком. И ждать, когда рядом с ними освободится место.

— Девушка, как Вас зовут? — начал наседать на меня сосед по столику.

А там за столиком, начинало происходить что-то интересное. Одна из девушек что-то сказала моему объекту наблюдения, после чего знакомая мамы прекратила улыбаться и ее поза на стуле резко изменилась.

— Девушка, а зачем Вы здесь? — продолжал мой сосед, периодически приходя в себя и с удивлением обнаруживая меня за своим столиком.

А там, за интересующим меня столом, знакомая мамы переместила свое тело на край стула, и как бы невзначай расстегнула пуговицы на своей блузке, после чего завела руки за спину и стала смотреть в стол. Все эти манипуляции показались очень интересными и я, сделав вид, что мне нужно позвонить, достала телефон и постаралась все запечатлеть на камеру.

— Девушка, а Вы знаете, что это за клуб? — в очередной раз, очнувшись, спросил у меня мой сосед.

Одна из девушек, сидящих с моей наблюдаемой за столиком, поднялась со своего стула, и протянув руку подняла Маргариту за подбородок, что-то резко сказала ей. Маргарита поднялась и, продолжая держать руки за спиной и смотря в пол, направилась за этой девушкой в дамскую комнату.

Я тоже соскочила со своего места. Направилась в женский туалет за ними, тихо, стараясь не шуметь, открыла дверь. На ногах у меня были кеды, и поэтому я не боялась, что буду стучать каблуками, но все равно, как можнотише зашла внутрь.

В проеме под кабинками, в одной из них, я увидела четыре ноги.

— Это что у нас здесь за грудастая шлюшка? Как вижу тебе, блядь, понравилась наша прошлая встреча? — донесся до меня строгий молодой девичий голос.

Я помнила, что там за столом, оставались еще две девушки, которые могли в любой момент прийти сюда, и я пробралась в соседнюю кабинку, забравшись на унитаз с ногами.

— А давай посмотрим, какие сиськи у тебя, глупая стерва.

— Но, но, но я, — раздало съ бессвязное бормотание маминой гостьи.

В ответ прозвучал звон пощечины.

— Что я? Ты что, сука, совсем отупела? Быстро показывай свои дойки! Можешь быть спокойна — наказание за неповинование ты уже заработала, — бархатный голос со стальными нотками, не предвещал ничего хорошего.

— Быстрее, дрянь! Ну же! Мне что тут до вечера стоять?! Чего ты медлишь? Сама, наверное, только и ждешь, чтобы вывалить свое вымя напоказ! Давай живее! А то сейчас Ирка прейдет она не любит когда не слушаются! — раздавалось из интересующей меня кабинки.

— Вот нерасторопная корова! Чего всталла? Вытаскивай их! Руки за голову, дрянь! Ноги на ширину плеч! — неожиданно для меня раздался второй, не знакомый голос.

Я поняла, что был голос Ирины, которой пугала первая девушка в кабинке Маргариту. В туалете воцарилась тишина. Так как я не нашла не одной дырки, чтобы можно было

подсматривать, то могла только могла догадываться, что происходит там. А там, наверняка девушки щупали грудь маминой знакомой, что подтверждалось громким прерывистым дыханием последней.

Между собой девушки переговаривались довольными голосами, как охотники, нагнавшие и поймавшие свою добычу.

— Смотри-ка, а ей это нравится! Правильно ты говорила, что она прирожденная шлюха, а я ведь до сих пор не была уверена.

— Ну а теперь убедилась?

— Да! Что скажешь, потаскуха? Ты ловишь кайф от происходящего с тобой? Отвечай громко и ясно, когда тебя спрашивает твоя госпожа!

— Да. Мне это нравиться, — упавшим голосом прошептала Маргарита.

— Громче дрянь! — за резким выкриком последовала еще одна звонкая пощечина.

— Отныне, когда будешь обращаться ко мне или к Ире, обязана обращаться к нам «Госпожа»!
Понятно?

— Да, госпожа, — дрогнувшим голосом ответила она им.

— Так нравится тебе, когда тебя унижают и командуют тобой?

— Да, госпожа, — задыхаясь от страсти, прохрипела женщина, — Мне нравится быть в вашей власти, я сделаю все, что вы прикажите!

— А теперь, шлюха, твое долгожданное наказание! — раздался голос той, которую звали Ириной, — Быстро задрала юбку и встала мордой к стене!

— Похотливая сучка вас, Госпожи, научить ее послушанию, — раздались слова произнесенные голосом маминой гостьи.

Раздался смачный шлепок, как бьют ладонью по чему-то выпуклому и упругому, например, по ягодицам. За ним последовал еще один и еще, и еще, и еще. Громкие звуки от ударов по подставленной заднице гулким эхом разносились по всему помещению. Экзекуция длилась довольно долго, девушки пару раз останавливались от усталости.

— Ну вот, с неё достаточно, — произнесла Ирина, — Пусть приводит себя в порядок и идёт на место.

— Ир, может трахнем ее сейчас? — раздался голос другой девушки.

— Мы ее трахнем конечно Инна, но потом. Если мы удовлетворим ее сейчас, то она не будет так покорна в наших руках, как теперь. Сейчас она вся горит в огне своего желания и неудовлетворенности, и это толкает шлюху на все что угодно. Она сейчас способна выполнить любое наше требование, она готова на любое унижение и стыд, ее толкает на это мокрая бледская истекающая вагина. Так что пошли на место.

Мне было слышно, как ушли девушки, как потом следом за ними из кабинки вышла Маргарита. Вот теперь в щель не плотно закрытой двери кабинки, где находилась я, мне хорошо было видно, что от пережитых ею унижений из ее глаз текли слезы, размывая по щекам следы туши. Одежда была вся помятая. Я наблюдала за ней и ждала, пока она умоется, поправит одежду и выйдет из туалета.

Потом и я покинула свое укрытие. Найдя глазами в зале этих двух девушек и Маргариту, я вновь села за два столика до них ближе к выходу и продолжила свои наблюдения. Девушки за столом разговаривали о чем-то, их спутница сидела на краешке стула и не поднимала глаз на них.

Клуб был специфическим, в программу входил стриптиз и как только начался первый номер

стриптиза, я заметила, как рука той, которую звали Ирина, легла на плечо Маргариты. Они все встали и пошли к выходу. Я тоже выскочила со своего места и отправилась вслед за ними. На улице группа, за которой я не без интереса наблюдала весь вечер, пыталась поймать такси, что было мне на руку — я быстро нырнула во двор, где оставила скутер. Времени на переодевание у меня не было, я быстро вставила ключ и завела мотор.

Когда я выезжала со двора, то увидела машину такси, которая увозила их. Они ехали не долго. Как только машина выехала на окраину города, она сразу остановилась и все вышли из неё. Я, увидев это, успела вовремя остановиться на приличном расстоянии от них.

Мне нравилось, что видимо все дальнейшее будет проходить на улице, где я могла воспользоваться биноклем и фотоаппаратом и видеть все во всех подробностях.

Дождавшись, когда уедет машина, девушка, которую звали Ирина, подошла к Маргарите и сняла со своих брюк ремень.

— А ты почему одета ещё? — глядя на Маргариту, то ли просто произнесла, толи приказала Ирина.

— Девочки, пожалуйста, не надо, — начала лепетать мамина гостья.

— Что не надо? — не успокаивалась Ирина, — Тебе приказали, так выполняй! Или тебе было плохо слышно? — она размахнулась и со всей силы влепила пощечину.

— Быстро выполняй! — громко прокричала она.

К этому моменту я уже нашла удобную точку наблюдения, в виде ларька, выброшенного в зону отчуждения объездной дороги, и мелкими перебежками вместе со скутером добежала до него. Поставив скутер плотно к стене я встала на его сиденье и, подтянувшись, забралась на крышу. Я была метрах в десяти от группы людей, за которой я наблюдала, поэтому мне было многое слышно и все хорошо видно.

— Ну что, стерва упертая, наказание уже ты заслужила за свою упрятость! Я заставлю тебя сделать то, что я хочу! — и нанесла ей ещё две пощечины.

Мне было хорошо видно, как три девушки, одинаково сложившие руки на груди, пристально смотрели, как красивая высокая блондинка трясущимися руками пытается расстегнуть пуговицы на блузке. Получалось у нее не очень — кое-как расстегнулась только верхняя пуговица, потому что руки дрожали и не слушались, перед глазами все плыло, а пылающие от стыда уши то и дело ловили приказы: «Быстрей, дрянь! Ну же! Чего ты медлишь? Давай живее!»

Мне было хорошо видно, как Маргарита дрожащими руками взяла обеими руками за полочки своей блузки резко рванула их в стороны.

Оставшиеся, не расстегнутые пуговицы градом посыпались на землю. За ними последовала и сама блузка.

— Чего всталла? Давай дальше!

Дрожащие пальцы послушно расстегнули верхнюю деталь нижнего белья, и лифчик присоединился к одежде на земле. Упругие груди скакнули на свободу и пару мгновений покачивались

— Теперь юбку! — прозвучала очередная команда Ирины.

Маргарита завела руки за спину, расстегнула юбку, и чуть помогла себе руками, опуская юбку вниз, потом шевельнула бедрами и юбка упала. Туда же полетели и ее трусики. Она осталась перед ними в чулках, целомудренно закрывая свою грудь и пизду руками.

— Вот так бы и сразу, — констатировала Ирина, — А то жмется, как целка.

После этого, она без предупреждения подошла к Маргарите и накинула ей петлю из ремня на шею.

— Пошли, — приказала она.

— А ты, — бросила она своей подруге, — Возьми ее вещи.

Сделав несколько снимков всего этого, я пыталась определить место, куда они могли направляться.

Вдруг я увидела впереди, метрах в двадцати от того, места, где раздевалась Маргарита, железобетонную плиту и спящего на ней пьяного парня. «Неужели они идут туда?» — подумала я. Но, не придав этой мысли значения, стала искать другие объекты, куда они могли направляться.

Я знала этого парня, точнее несколько раз видела его в нашем городе. Он был бомжом и, вечно пьяный и грязный, шатался по всем районам города, приставая к прохожим и стреляя деньги на бутылку. Ночевал он в подвалах и на чердаках, откуда его частенько шугали дворники и полиция. Я не могла просто предположить, что процессия из Ирки, голой Маргариты и двух других девушек, идет именно туда.

Они подошли к парню. Он продолжал спать, развалившись на плите. Голова его откинулась набок, из раскрытоего рта стекала слюна...

Ира подвела Маргариту и, отпустив ремень, отошла назад. При этом она что-то приказала маминой гостье. Мне было видно, как та, не в силах совладать с собой, закрыла глаза и опустилась на колени рядом со спящим бомжом. Как она непослушными от страха пальцами расстегнула его штаны и достала вялый опавший член. После этого, Маргарита, раскрыв рот взяла вялый член в себя.

Парень заворочался, потом удивленно открыл глаза. Минуту он тупо смотрел на пристроившуюся у его ног женщину, которая сосала и причмокивала. На трех молодых девиц, которые стояли недалеко и смотрели с улыбками на происходящее.

Наконец, под языком Маргариты, опавший сначала член стал прямо разбухать и превращаться в округлую увесистую сосиску. Движения головой стали еще более энергичными. Теперь она насаживалась ртом на всю длину члена, принимая его глубоко в себя...

Очухавшийся парень, привыкший к разным рода неожиданностям, стал постепенно двигать бедрами навстречу. Стоящие сзади Маргариты девушки стали бить ее по заду, подгоняя и заставляя увеличить темп.

Я лежала на ларьке и думала о том, могут ли они заставить ее трахаться с ним.

А тем временем, Ирина занималась правой ягодицей рабыни, вкладывая всю силу в удары.

Левой ягодицей занималась Инна, та девушка, которая первая увела Маргариту в туалет.

Причем эта девушка била с такой силой, как будто старалась изо всех сил не отстать от своей подруги или действительно хотела воспитать стоящую перед ней раком женщину, сосущую хуй бомжу.

Сцена эта длилась довольно долго — девушки пару раз меняли руки от усталости, верхние пуговицы их блузок были расстегнуты, в воздухе стоял гул от их тяжелого дыхания. Парень кончил, разрядившись на лицо Маргариты.

Мне было хорошо видно, что ей пришлось не сладко, вся ее задница была красной и жутко горела. Ноги дрожали от того, что затекли от долго стояния в такой позе. Третья девушка, не

участвовавшая в наказании рабыни, снимала все на телефон.

Когда шлепки по ягодицам прекратились, до меня донеслись еле различимые из-за расстояния фразы: «Смотрите-ка, наша сучка хочет, чтобы мы ее трахнули!»

— Я не буду пачкать руки об эту грязную шлюху, — произнесла Инна.

— А этого и не потребуется, — заговорщическим голосом промурлыкала Ирина, — Эта половая тряпка недостойна даже лизать землю, по которой мы ходим, но, тем не менее, мы пойдем этой шлюхе навстречу.

Не тряся слов на объяснения, Ирина подошла вплотную к лежащей на плите женщине и встала в считанных сантиметрах от ее влагалища. Маргарита инстинктивно тут же расставила шире.

Так же сохраняя молчание, Ирина, принялась медленно проталкивать носок своей правой туфли в пульсирующую от дикого возбуждения щель рабыни. Бедра женщины сами подались вперед, она сама глубже насаживалась на туфельку юной госпожи. По движениям ее тела, по тому, как она начала дрожать, стало понятно, что Маргарита начала кончать. Мне было хорошо видно, как оргазмы огненными молниями пробегали по ее телу раз за разом.

Вселенские взрывы удовольствия и волшебного неописуемого блаженства вновь и вновь рождались между ее ног, заставляя каждую клеточку ее организма кончать отдельно от своей хозяйки.

От пережитых и переживаемых унижений Маргарита долго находилась в полусознательном состоянии. Вторая девушка подошла к ней и, подняв свою ногу, стала наступать и мять ногой большие груди рабыни, то и дело, задевая упруго торчащие соски, что доставляло удовольствие пышногрудой женщине, лежащей на земле.

Затем, тонкая холодная шпилька опустилась прямо на набухший клитор, аккуратно поигрывая с ним, теребя, немного царапая и нежно, но сильно вдавливая его внутрь. Два оргазма один за другим, пришли одновременно. Громкие стоны кончающей самки не смолкали долго. По сравнению с этим, все предыдущие оргазмы показались детским подрачиванием. Это было два непрерывных, накатывающих снова и снова оргазма. Это было видно и понятно, по тому, как содрогалось ее тело.

— Оставь ей одежду, — приказала Ирина подруге, — И вызови такси.

Девушки отошли от Маргариты, и по тропинке пошли к тому месту, куда они приехали из клуба, и где раздевалась их рабыня.

Сейчас я осталась практически один на один с бомжом и измученной маминой гостьей, которая продолжала лежать на грязной бетонной плите и улыбаться. Конечно, я могла спрыгнуть с ларька и, зная свои навыки в кикбоксинге, сделать с ними что угодно. И тем самым освободить маму от этой развратной стервы, но такое решение было не очень интересным для меня.

Я, лёжа на ларьке, решила познакомиться с Маргаритой, стать для неё самой любимой повелительницей и госпожой.

Из увиденного сегодня я поняла, какие девушки нравятся ей и что ей нравится в сексе. Бомж продолжал сидеть на плите с широко раскрытыми, удивленными глазами. Казалось, что он не верит, в то, что перед ним роскошная голая женщина, которая совсем недавно отсосала у него, доставив сказочное, давно забытое им, удовольствие.

Маргарита пришла в себя, покачиваясь встала, собрала брошенные вещи, оделась, привела на сколько это было возможно себя в порядок и направилась все по той же тропинке к месту, где

могло было поймать машину.

Я дождалась пока она уедет, спрыгнула с ларька и поехала домой. Мне надо было выспаться, и понять, как сунуться к Маргарите и что сделать, чтобы эта встреча обязательно состоялась. Поспав до трёх часов дня, я распечатала фотографии маминой гости, на которых она была изображена в нормальном человеческом образе, и поехала к своей школьной подруге.

Дело в том, что у меня родилась мысль о том, что мне надо проконсультироваться с ней, так как она училась на психологическом факультете в университете, была девушкой умной, обожающей психологию и увлекающейся ею с детства. Мы созвонились с ней, я рассказала о том, что хочу устроиться на работу, так как нужны деньги, и что очень прошу помочь мне в составлении психологического портрета моей будущей работодательницы, чтобы знать как вести себя на собеседовании и не провалить его. Зиночка конечно согласилась, попросила принести фото человека, чей психологический портрет планировался к составлению и я направилась.

Идти было не далеко, в соседний подъезд. Поэтому, я быстро оказалась в гостях у Зины, которая угостила меня кофе, и, разложив фотографии прямо на кухонном столе начала всматриваться в них. Она брала из ряда каждое фото, и долго смотрела на него. Потом протянула мне лист бумаги и сказала, если хочешь — записывай.

Она говорила не долго, но все рассказанное Зиной объяснило мне все, что я видела за время моей двухнедельной слежки. Зина оказалась талантливым аналитиком жестов и физиогномики. В конце своего анализа она четко объяснила, как мне говорить с дамой на фотографиях и как вести себя на собеседовании, чтобы точно взяли на работу. Мы еще долго потом пили кофе и сплетничали об общих знакомых, после чего я отправилась домой.

На следующей неделе, я отказалась, от слежки. Она была мне уже не нужна. Я стала готовить встречу. Дел было много, мне надо было найти, где живет Ира, и ее подруги, договориться с ними и заплатить за то, чтобы они не появлялись две пятницы подряд в том клубе. А попутно с этим выкупить у них телефон с видеозаписью. Потом купить одежду, в которой я пойду в клуб.

Самое сложное было это дождаться самой пятницы. Сложно представить какое волнение нападало на меня, когда я в мыслях разыгрывала сцены моего появления в клубе, затем, как я сяду за ее столик, как буду говорить с ней.

Я одновременно хотела, чтобы пятница наступила, и не хотела. Чтобы отогнать все эти противоречивые мысли я даже возобновила тренировки в зале.